

Лекция М.С.Горбачева в РИА-Новости 30.03.2013 г.

«Человек меняет историю или история меняет человека?»

Ответить на этот вопрос непросто.

Исходный пункт рассуждений на этот счет: история не фатальна. История не предопределена. (Хотя принято считать, что где-то там кем-то все предопределено.)

Если не верить, что человек может повлиять на ход исторических событий, то нет смысла участвовать в политических движениях, даже нет смысла реагировать на политические события.

Но это – рецепт равнодушия, пассивности, апатии. Конечно, можно прожить жизнь и в таком состоянии, но для меня это было неприемлемо с самого начала.

Вся моя жизнь связана с политикой. В молодые годы это общественная работа – в школе, университете. А затем, с августа 1955 года это уже профессиональная политическая деятельность.

Моя карьера была успешной!

А начиналось все так. В школе села Привольного я закончил восемь классов. И надо было решать, что делать: заканчивать среднее образование или поступать учиться в техникум, или просто продолжать работать в МТС.

Я принял решение – закончить среднюю школу и потом уже определиться со своим будущим. Учебу в 9-10 классах мне пришлось завершать в средней школе районного центра. Это была большая школа – более тысячи человек.

В октябре 1949 года на общешкольном собрании комсомольцы должны были выбирать секретаря комсомольской организации. Каждая группа выдвинула свою кандидатуру. (Семь групп, приехавших из семи сел, – семь кандидатов).

В числе выдвинутых оказался и я. По просьбе комсомольцев каждый из претендентов должен был что-то сказать о себе, высказать, что считал нужным. Все было очень просто. Когда очередь дошла до меня, я поднялся, представился и что-то сказал (не помню уже, что).

Когда же я сел, из-под меня убрали стул. Кажется, все присутствующие получили от этого большое удовольствие (*смех, аплодисменты*). Время молодости. У нее только один недостаток серьезный – она быстро проходит.

По итогам тайного голосования секретарем комсомольской организации был избран я. Для меня это первый урок демократии в политике. В два последних года учебы в средней школе произошли и другие знаковые события в моей жизни. Работая помощником комбайнера в местной МТС (машинно-тракторной станции), я был награжден орденом Трудового Красного знамени за успехи на уборке урожая в 1948 году. Это редкая по тем временам награда. А в 1950 году в десятом классе я стал кандидатом в члены КПСС.

Это было мое личное решение. Но я посоветовался с дедом (по матери) Пантелеем, старым коммунистом, и с отцом, который вступил в партию на фронте. Оба поддержали, причем весьма активно, мое решение.

Мне было 19 лет. Я был человеком активным, как сказали бы сейчас – лидером. Что-то во мне было от природы. Огромное влияние на мое становление оказало то время: война и послевоенные годы.

После войны жить было не просто и в городах, и в селах. Вернулись фронтовики с победой, с верой в свои силы, с настроением на быстрое возрождение страны. Это сказывалось во всем, особенно влияло на молодежь, определяло отношение к жизни, к работе, к учебе – ко всему.

Десятый класс средней школы я закончил с серебряной медалью. Для сочинения на аттестат зрелости я выбрал свободную тему: «Сталин – наша слава боевая, Сталин – нашей юности полет». Это слова из песни Михаила Исаковского.

Тогда и взрослые, и особенно мы, молодежь, верили Сталину и преклонялись перед ним. Много пройдет лет, прежде чем изменятся мои взгляды на Сталина, на жизнь вообще.

Но самый важный период в моем становлении - годы учебы в Московском университете (1950-1955 годы).

Учеба в МГУ, Москва – все это стало для меня школой жизни. В те годы я многое познал, понял, во многом определился.

Моя карьера состоялась в КПСС, она была успешной. Я не напрашивался ни на какую работу. У меня не было никаких ходатаев. Но я довольно быстро продвигался по карьерной лестнице: через 15 лет после возвращения на Ставрополье я стал первым секретарем Ставропольского крайкома партии, был избран депутатом Верховного Совета СССР, а на следующий год на съезде партии - членом ЦК КПСС.

Это всё высокие должности, высокое положение. В момент избрания я оказался самым молодым первым секретарем крайкома в СССР и членом ЦК КПСС.

Для меня все это было не столько карьерой, сколько стимулом к деятельности. Мне нравилось быть в гуще людей, я близко к сердцу принимал их проблемы и проблемы общества в целом.

За годы работы на Ставрополье мне удалось немало сделать: были разработаны и осуществлены крупные проекты, которые вывели край на новый уровень. В эти годы я чувствовал поддержку сверху, прежде всего тогдашнего Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева. (Однажды он сказал: нам надо поддерживать молодых секретарей, они ведут дела энергично, по-государственному.)

Но чем больше я погружался в проблемы края, тем чаще натыкался на препятствия, связанные с самой системой. Тогда еще я не ставил под сомнение ее основы, считал, что ее можно и нужно улучшить.

В общем, для меня работа на Ставрополье стала большой наукой. Я и раньше, и сейчас часто говорю, что это была «моя малая перестройка». Я почувствовал свои силы и возможность брать на себя больше ответственности.

После девятилетней работы на посту руководителя Ставропольского региона в ноябре 1978 года я был избран Секретарем Центрального Комитета КПСС, в 1979 году – кандидатом в члены Политбюро, а в 1980 – членом Политбюро.

Время, в которое я оказался в Москве, было непростым.

Система, позволившая ценой огромных жертв провести индустриализацию и обеспечить высокие темпы экономического развития, начала сдавать. Темпы роста были близки к нулевым. По производительности труда в промышленности мы отставали от наиболее развитых стран в 3,5 раза, в сельском хозяйстве – в 5 раз. Качество продукции было низким.

Страна с огромными возможностями, каких у других не было, не могла обеспечить людей товарами, необходимыми для жизни. Система оказалась невосприимчивой к вызовам научно-технического прогресса. Это сказывалось на всей жизни людей.

Все это состояние и было названо емким словом – застой. А в это время ведущие страны, пусть и болезненно, после нефтяного кризиса начала 70-х годов выходили на новые технологии, организацию производства и управления.

Застой был не только экономический, но и идеологический, и политический. И особенно кадровый. Он приобрел особенно жесткие формы, по сути дела, форму политической реакции после ввода советских войск в Чехословакию, подавления там попыток демократизировать, реформировать систему.

Работая на Ставрополье, я не сразу во всем разобрался. Но когда оказался с делегацией в Чехословакии, я увидел, что люди не приняли страны Варшавского Договора. Нам в глаза высказывали обиду – и рабочие, и интеллигенция, и молодежь.

Я все больше убеждался, что система держит, сковывает всех, все общество, в том числе само руководство страны. Лишенная демократии и свободы, она консервировала статус-кво. Нужно было обновление страны, переход к новой модели развития.

К 80-м годам это стало особенно очевидно. Общество требовало перемен. В результате внутри общества родился лозунг: «Так дальше жить нельзя!».

Мое избрание на пост Генерального секретаря ЦК КПСС произошло тогда, когда требования перемен буквально стучались в окна и двери.

Мы услышали требования людей. Важно и другое: мы понимали, что перемены нужны для того, чтобы ответить на вызов мировой политики. Вызов, общий для всех стран. Глобальные проблемы безопасности, бедности и отсталости, экологии требовали новых подходов, нового мышления.

Мы начали с гласности. Без демократии, без участия народа, свободы прессы ситуацию изменить было невозможно. Голос людей зазвучал. Пресса стала смелее. Все общество пришло в движение. Но уже на этом этапе проявилось противодействие переменам.

В конечном счете все упиралось в политику, в систему формирования власти, где доминировала партийная бюрократия.

Встал вопрос о кардинальных демократических преобразованиях. Чтобы обсудить именно этот вопрос, было принято решение провести летом 1988 года XIX партийную конференцию. Это был поворотный, переломный момент перестройки.

Конференция приняла решение о проведении политической реформы. Суть ее - выборность, сменяемость власти, политическая конкуренция. Впервые прозвучали на этой конференции слова о необходимости политического плюрализма.

Кстати, вас это может удивить, но все, в том числе и консервативные члены Политбюро, поддержали это решение. На конференции никто публично не выступил «против».

Наступивший 1989 год круто изменил жизнь страны. Впервые в ее тысячелетней истории были проведены свободные, конкурентные выборы. Никакого вмешательства, никакого нажима на избирателей, никаких фальсификаций. В результате в политику пришли новые люди.

Это были другие люди, те, которые нужны были стране. Востребованы временем.

Но перемены шли трудно. Проблемы, копившиеся десятилетиями, вышли на поверхность, проявляли себя очень болезненно. И этим воспользовались консервативные, реакционные силы. Они начали организовываться, повели атаку на меня и других инициаторов перемен.

Несколько раз ими ставился вопрос о смещении меня с поста Генерального секретаря ЦК КПСС, о недоверии президенту, об ограничении его полномочий в пользу Кабинета Министров.

Ситуация накалялась и достигла такого предела, что на одном из пленумов я заявил о своей отставке с поста генсека и покинул зал заседания.

Что я могу сказать сейчас? Считаю, что тогда я допустил ошибку - поддался уговорам вернуться. Надо было идти до конца, тем более что 100 человек из числа членов ЦК уже объединились в список тех, кто готов идти за Горбачевым. А на самом деле моих сторонников было гораздо больше.

В общем, в открытой публичной политической борьбе моим противникам не удалось добиться своих целей. И тогда в августе 1991 года они пошли на путч, осуществили попытку государственного переворота.

Путч провалился, но он ослабил мои позиции, и этим воспользовались радикалы, сепаратисты и просто люди, рвавшиеся к власти.

В течение буквально двух недель после путча все республики приняли Декларации о независимости.

В августе Ельцин не пошел на сговор с путчистами, хотя они предлагали ему объединиться против Горбачева. Нет, он возглавил сопротивление. Но после провала путча действовал разрушительно, стремясь прежде всего к единоличной власти в Кремле. Обновленный Союз, к которому мы стремились, мешал ему. И поэтому, пусть и после колебаний, в конце концов Ельцин встал на путь разрушения союзного государства.

6-8 декабря 1991 года он секретно встретился в Белоруссии с руководителями Украины и Белоруссии. Там был подписан документ о прекращении существования Советского Союза.

Здесь было мое принципиальное расхождение с Ельциным и теми, кто его поддерживал. Видя необходимость децентрализации, обновления Союза, я, тем не менее, выступал и боролся за сохранение союзного государства.

Всякие разговоры и попытки свалить на меня вину за распад Союза безответственны, голословны и лживы.

Кстати, один из путчистов, забытый ныне Тизяков, обращаясь к своим сообщникам из тюремной камеры через записки, требовал: «Перестаньте каяться, валите все на Горбачева». Вот и валят уже 20 с лишним лет. Но ложь остается ложью.

И тем не менее немало людей верят ей. Верят в том числе и потому, что власти, исходя из своих интересов, на протяжении всех этих лет по существу участвуют в дискредитации Горбачева. (Вы понимаете - речь идет обо мне.)

Абсурд! Подумайте: какой смысл мне, после того, как в 1991 году была принята антикризисная экономическая программа, поддержанная всеми республиками, подготовлен новый Союзный договор и намечено на 20 августа его подписание, в июле 91-го состоялся Пленум ЦК, принявший решение о разработке новой Программы КПСС, планировалось проведение внеочередного съезда партии в ноябре – какой смысл рушить все это?

Срыв перестройки и распад Союза стали результатом ожесточенного сопротивления реакционных сил, организовавших путч, и авантюристических действий радикальных и сепаратистских сил, рвавшихся к власти. Сыграли свою роль и допущенные ошибки реформаторскими силами:

- нам следовало раньше приступить к реформированию КПСС;
- мы опоздали с децентрализацией, обновлением Союза.

Но это не перечеркивает результатов, достигнутых всего за шесть лет.

В страну впервые за столетия ее истории пришла свобода – свобода слова, собраний, частного предпринимательства, свобода совести, свобода выезда. Были

проведены демократические выборы, созданы органы власти, подотчетные людям.

Мы нормализовали отношения с США и Китаем, освободили народ от бремени холодной войны, отвели угрозу ядерной катастрофы, начали сокращение ядерных и обычных вооружений, договорились о ликвидации химического оружия.

Были выведены советские войска из Афганистана – тем самым исправлена ошибка прежнего руководства, спасены жизни тысяч людей. Были погашены региональные конфликты, полыхавшие на протяжении десятилетий.

Народы Центральной и Восточной Европы получили возможность сами определять свою судьбу. И когда меня обвиняют в том, что я «отдал Восточную Европу», я отвечаю: отдал – кому? Польшу – полякам, Чехословакию – чехам и словакам, Венгрию – венграм.

Все эти исторические перемены не пришли сами собой. Они делались руками людей – тех, кто начал перестройку, и миллионов людей, которые ее поддержали. Люди менялись сами и меняли ход истории.

Таков ответ на главный вопрос темы сегодняшней лекции.

Но история не только не фатальна, она не линейна. Перестройка была прервана, и Россия оказалась в историческом зигзаге.

Есть статистика: большинство альпинистов погибли не при восхождении на Эверест, а на обратном пути, при спуске вниз. Жизнь после власти – большое испытание. Не все его выдерживают.

Что поддерживало меня в первые, самые трудные месяцы и в последующие годы? Прежде всего убежденность, что перестройка была необходима, что главный выбор мы сделали правильно.

Я видел: началась атака на перестройку. И справа, и слева. Атака не только на меня, но прежде всего на принципы перестройки, на эволюционный подход к изменениям.

В то время как я считал и говорил, что эволюционные перемены займут как минимум 15-20, может быть 30 лет, Ельцин обещал людям: потерпите немного, а через полтора-два года Россия станет одной из самых процветающих стран в мире. Если нет – «лягу на рельсы». Ельцин думал, что можно добиться быстрых перемен к лучшему, издавая указы. Я считал: для того, чтобы обеспечить успех реформ, нужны силы, кадры, ресурсы. Новая российская власть утверждала: Горбачев нерешителен. Мы – смелые, радикальные реформаторы. У нас получится.

Кампания по дискредитации перестройки, очернению Горбачева особенно усилилась, когда стало ясно, что безответственная политика «шоковых реформ» привела к катастрофическим результатам. Итоги 1992 года были плачевными.

Наполовину сократилось производство. Две трети населения оказались за чертой или у черты бедности. Безработица достигла беспрецедентных масштабов, люди

месяцами не получали зарплату и пенсии. Приватизация, от которой ждали большого эффекта, была проведена грабительски, в интересах горстки людей.

Все это привело к расколу общества, противостоянию законодательной и исполнительной власти. Кульминацией стал расстрел парламента в октябре 1993 года. А затем последовала чеченская война, которую можно и нужно было предотвратить. Но президент Ельцин и его окружение вновь сделали ставку на силу. Последствия этого мы до сих пор расхлебываем – на Кавказе и не только на Кавказе.

В общем, итогом ельцинского правления стало не обещанное процветание, а развал экономики, дефолт 1998 года и хаос во всех сферах жизни.

В эти годы я не уходил из политики, хотя власть устроила вокруг меня буквально блокаду. Телеэфир был для меня закрыт, общение с прессой крайне затруднено. Мне запретили поездки за рубеж (отменили этот запрет лишь под давлением общественного мнения).

Я не молчал и не бездействовал. Создал Фонд социально-экономических и политологических исследований, который стал платформой для широкой общественной дискуссии.

По приглашению представителей общественности более 100 стран я стал президентом-основателем экологической организации Международный Зеленый Крест. Горжусь тем, что сегодня она действует на всех континентах, имеет организации в десятках стран.

Но главное – я не молчал. Использовал все возможности, в том числе президентскую кампанию 1996 года, чтобы говорить с людьми, защищать идеи и достижения перестройки, призывать к изменению курса.

Когда Ельцин ушел, я, несмотря на то, что мне чужда практика назначения «преемника», тем не менее, как и большинство россиян, поддержал Владимира Путина.

Путин унаследовал хаос. Бездействовать было нельзя. Для стабилизации обстановки он прибег к экстраординарным мерам, некоторые из которых имели авторитарный характер. Видя это, я тем не менее считал, что до определенного предела такие меры допустимы. В том числе я поддержал шаги по восстановлению конституционного порядка во всех регионах России.

Принятые тогда меры сыграли свою роль, способствовали стабилизации обстановки и возобновлению экономического роста. Помогло и то, что изменилась внешнеэкономическая конъюнктура. Я имею в виду рост цен на нефть до 100-120 долларов за баррель. Как тут не вспомнить обвал этих цен в годы перестройки – до 10-20 долларов!

Я всегда говорил: за стабилизацией должны последовать меры по реформированию и развитию. Потому что сохранение статус-кво – это путь к застою.

Второй президентский срок Владимира Путина открывал возможности для реализации новой стратегии. Но власть пошла по другому пути. По существу всё осталось по-старому и в годы президентства Дмитрия Медведева.

Что мы имеем в результате?

Политика все больше превращается в имитацию демократии. Вся власть в руках исполнительной ветви, президента. Парламент лишь штампует его решения. Несамостоятельна судебная власть.

Экономика монополизирована, сидит на нефтяной и газовой игле. Инициатива предпринимателей скована, малый и средний бизнес сталкивается с огромными барьерами.

Недопустимо велик разрыв в доходах и уровне жизни между небольшим наиболее обеспеченным слоем населения и всеми остальными. Колоссальные масштабы приобрела коррупция.

Большое беспокойство вызывает состояние таких сфер, как образование, здравоохранение, наука.

Начиная с 2004-2005 года я постоянно выступал по этим проблемам. Эти вопросы остро поднимали и другие, не только я. Но власть по существу не реагировала на сигналы, идущие от общества.

В конечном счете такое отношение власти к обществу вызвало реакцию. Общество пробудилось. Оно заявило о своих правах. Люди вновь потребовали перемен.

Но вместо того, чтобы начать диалог с обществом, власть прибегла к манипуляциям, цель которых – самосохранение любой ценой. Ей удалось на время сбить протестную волну. Но проблемы страны никуда не ушли, и если все останется по-прежнему, они будут обостряться.

А это значит, что предстоит новая попытка российского общества прийти к реальной демократии. Она будет иметь историческое значение.

Влиять на ход истории люди могут только через участие в политике. Реальность же такова, что у них практически нет возможности влиять на принимаемые решения через реально действующие, отражающие их интересы партийные и общественные структуры. И они ищут другие пути – через Интернет, через стихийные и организованные акции протеста, возмущенные звонки на радио.

Но этого недостаточно. Нужна реальная политическая жизнь. А она, как в воронку, засасывается в «Единую Россию» и другие официальные и близкие к ним структуры.

Стоит человеку выпасть из номенклатуры – и начинается стремительный процесс его маргинализации, он выталкивается из политической сферы. Можно назвать десятки людей, которые были активны в политике пять-десять лет назад и о которых сейчас, как говорится, ни слуху ни духу. Как бы к ним ни относиться, плохо, что люди просто вычеркиваются из политики.

«Единая Россия» превратилась в «руководящую и направляющую». Но реальные проблемы людей не решаются, прорываются на поверхность, требуют «вмешательства на высшем уровне». «Ручное управление» на глазах превращается в регулирование уличного движения, в составление расписания поездов.

Все это делается «во имя стабильности». Да, нам нужна стабильность, но стабильность демократическая, достигающаяся через диалог, через соревнование ответственных политических сил, через предоставление возможностей для формирования и продвижения конкурирующих программ.

Этого у нас нет, хотя мы прошли часть пути в этом направлении. Может быть, полпути, а может быть и меньше. Если не идти дальше, то нас может отбросить назад, и придется снова искать дорогу. Потеряем темп, потеряем время, а это в современном мире – опасно.

Ведь наши соседи по глобальному миру уже сделали рывок или готовятся к нему. Отставать нельзя. Если не будет модернизации политической сферы, то мы увязнем в болоте и будем скатываться вниз и на международной арене.

Я думаю, что и власть и общество должны сделать сейчас исторический выбор. Надо, чтобы и со стороны власти, и со стороны общества было понимание того, что решить сложнейшие проблемы страны можно лишь на путях демократического взаимодействия. Разрыв между властью и народом больше нетерпим.

Скажу откровенно: сейчас слово прежде всего за властью. Идти дальше по пути «завинчивания гаек», принятия законов, ограничивающих права и свободы людей, наступления на СМИ и организации гражданского общества – губительный, бесперспективный путь.

Уверен: если власть выберет путь диалога с обществом, с его активной, неравнодушной частью, она найдет у них отклик. В том числе у молодежи.

Молодежь активно проявила себя в период подъема общественного протестного движения. Меня обрадовала ее энергия, ее поведение на митингах. Но весь опыт моей жизни в политике подсказывает: будет трудно, серьезные изменения легко не даются. Энергия и энтузиазм должны быть дополнены настойчивостью, умением организовать, серьезно мыслить, слышать и учитывать разные мнения. В общем, нужно учиться бороться за демократию и жить в условиях демократии.

Один существенный момент, о котором я хочу сказать специально, подчеркнуть его значение. Не должно быть раскола – ни между поколениями, ни между разными течениями демократических сил.

Надо проявить зрелость, подлинный патриотизм – то есть ответственность перед страной, перед обществом, перед будущим России. И тем самым доказать, что человек может менять историю, что граждане России способны взять будущее страны в свои руки и строить его на пути демократии. Потому что, по большому счету, другого пути у нас нет.

При всем своеобразии российской истории, культуры, при всех особенностях нашего пути, я думаю, что задачи, которые мы решаем, не уникальны. Сегодня буквально все страны должны адаптироваться к требованиям и вызовам новой эпохи.

В свое время я говорил своим партнерам, западным руководителям: Мы понимаем, что нашей стране предстоят глубокие, далеко идущие перемены. Но меняться придется всем. Ход истории ускорился, и всем нам придется действовать и мыслить по-новому.

Я никому не навязывал эти мысли. Но говорил так, потому что был убежден в их правоте.

Они актуальны и сегодня. Мы видим, как непросто идут процессы на Западе, где приходится пересматривать многие догмы, еще недавно казавшиеся незыблемыми. Видим, как мучительно даются перемены арабскому, мусульманскому миру. Видим, что и в успешно развивающихся странах, в том числе в Китае, понимают, что без политических реформ в конечном счете не обойтись.

Я начал свое выступление с мысли о том, что история не фатальна и человек может повлиять на ход исторических событий. Хочу в заключение вернуться к этой мысли. Я думаю, что каждое поколение должно доказывать, что у него для этого достаточно сил и ума. Несмотря на возраст я много общаюсь с молодыми людьми, и у меня есть надежда и даже уверенность, что новое поколение с этим справится.

Желаю вам успеха.